

ЧАС КНИГИ

Писателю Анатолию Алексину исполнилось 60. Его труд отмечен Государственными премиями СССР и РСФСР, премией Ленинского комсомола. А в день шестидесятилетия он награжден орденом Ленина — за свои веселые, серьезные, увлекательные и мудрые книги.

ОТКРЫВАЕМ книжку. — И с первой страницы на нас смотрит человек с очень добрым лицом, а глаза будто спрашивают: «Ну, что с тобой? Тебе плохо? Тебе больно? Тебе невесело? Давай помогу!».

И помогает. Из повести в повесть, из рассказа в рассказ помогает нам становиться добрее, взрослее. Не возрастом старше, а душой — открытее.

Вот один из его педагогических «постулатов», вложенный в уста воспитательницы детского сада Алены из повести «Третий слева в пятом ряду»: «Они должны уметь плакать... Не, только тогда, когда расшибают коленку. Но и когда коленка болит у кого-то другого».

Это сказано о совсем маленьких ребятишках. Не слишком ли строго? Частенько взрослые поступают наоборот, оберегают детей от сопереживания близким, друзьям: «Вова упал с велосипеда?

ЛЮДИ

СТАНОВЯТСЯ

Как хорошо, что не ты... И мимоходом сказанная фразочка: «Хорошо, что не с тобой стряслась беда» — застревает в сознании, делает глухим к чудному горю с детства и надолго.

Алексин же настаивает: «В человеке должно жить сострадание, а страдание ему ни к чему».

Есть читатели, которым повести Алексина не нравятся. Не нравятся, и не нравятся — вкусы у всех разные. Не стоило бы об этом и говорить, если бы в случае с Алексиним «не нравятся» не основывалось бы на причине, где вкус — отражение душевной чертвости. Признавая художественные достоинства повестей «Действующие лица и исполнители», «Безумная Евдокия», «В тылу как в тылу», «Поздний ребенок» и других, они, эти «неприятители», говорят: «У Алексина слишком много хороших людей, добрых, честных. Так не бывает...»

Ну, во-первых, бывает. А во-вторых, концентрация добра в его произведениях — это собственный алексинский закон творчества, по которому и надо писателя понимать.

Добро, честность, справедливость у Алексина — благородная норма бытия. Отклонение от нее — нечто неестественное для человека. Настолько неестественное, что может привести к очень страшному — к болезни того, с кем поступили несправедливо, к смерти даже, или к тому, что человек только на склоне лет вдруг понимает, как неверно жил. Понимает ценой несчастья.

«...Жизнь доказала мне, что нельзя подавлять человека. И что добро каждый должен творить по-своему. И что третий в пятом ряду не должен быть похож на пятого в третьем ряду... И, что вообще, я учительница, должна видеть не «ряды», а людей, которые стоят рядом... или вдали друг от друга. А непохожесть характеров вряд ли стоит принимать за несовместимость».

Такие простые, точные мысли, но, чтобы прийти к ним, чтобы понять неутомимого борца за справедливость, возмутителя школьного спокойствия Ваню Белова, старой учительнице потребовалось мно-

го-много лет. Ее маленькая внучка Елизавета куда быстрее бабушки поняла, каким на самом деле был Ваня Белов. Ей приводили Ваню в рассказах, примером того, «как не надо себя вести», он же стал для нее просто примером. Примером веселого, незанудного, действенного добра.

И когда старая учительница ждет в больничном коридоре, что станет с тяжело заболевшей Елизаветой, имя и фамилия врача — Иван Белов — представляются ей паролем надежды, гарантом, что все будет хорошо.

Все так и будет. Вот только оказалось, что это не тот Ваня Белов, такой похожий на прежнего ее ученика, ни на кого не похожего. А «тот» Ваня, которого бабушка Елизавета бросилась разыскивать, погиб в 1943 году в боях за неизвестный ей город Пенц-лау. Он и тут решил «выделиться».

Что ж, на фронте как на фронте, в тылу как в тылу. «В тылу как в тылу» — название повести Алексина о военном детстве.

В этой повести мама, Екате-

ВЗРОСЛЫМИ

рина Андреевна, говорит сыну слова, которые он запомнит с детства и надолго, на всю жизнь: «С добром нужно спешить, а то оно может остаться без адресата...». Запомнит и Николая Евдокимовича, милого интеллигентного человека, безответно и беззаветно любящего маму, который не хотел огорчать ее ничем и даже перед смертью попытался улыбнуться.

У АЛЕКСИНА память на добродетельная память на доброе, «абсолютный слух» на добрых людей. Он слышит тихую мелодию доброты в самых будничных буднях, в самых незаметных людях, и спешит к ним, своим адресатам, с этим счастливым открытием в жизни добром.

Но добро у Алексина не благостно, не слававо. Оно раскрывается в очень непростых конфликтах повседневности, где куда проще озлобиться, чем остаться добрым и справедливым. Вот тихая «семейная» повесть «Поздний ребенок». Здесь нет плохих людей: и отец, и мама, и сестра Людмила, и ее жених Иван, и дядя Леня, которого с детства дразнили Людмилинным «женником», — все порядочны, честны, любят друг друга. Изобретательный Леняка, главный герой повести, которому так хочется поскорее стать взрослым, придумывает массу ситуаций, чтобы Людмила и Иван, наконец, были вместе. Но лишь в одной ситуации его фантазия бессильна: Иван встретил и полюбил другую. Иван просит Леняку о помощи: болен отец Людмила, нельзя так сразу оповестить ставшую ему не чужой семьей о новой любви.

И Леняка впервые понимает, как тяжела эта желанная взрослость, когда ты о ней не просто отвлеченно мечтаешь, а когда она должна прийти.

Лев Кассиль сказал о повести «А тем временем где-то...»: «Это повесть о том, как люди становятся взрослыми». Пожалуй, так можно определить все творчество

Алексина. Для него мерило взрослости — чуткая, добрая, деликатная душа.

Его добряки — все разные, но похожи в одном — в деликатности. Не обидеть, не ранить, не причинить боль другому даже в своем активном добре — для них непреложное правило. Нина Георгиевна («А тем временем где-то...»), Виктор Макарович («Позавчера и послезавтра»), Лева («Мой брат играет на кларнете») — они, может быть, даже беззащитны перед людьми с другой жизненной установкой. Но убеждены, как убежден автор, нашедший их в жизни, — деликатность не бывает чрезмерной. Она тоже воспитывает окружающих, она помогает отыскать лица друзей.

Эпизод в одной из старых повестей «Коля пишет Оле, Оля пишет Коле». Пионеры помогают вселиться в квартиру многолетней семье. Помощь необходима — вредный, склочный, нелюдимый сосед Еремкин против и «будет жаловаться». Можно, конечно, самим пойти «нажаловаться», справедливость восторжествует, но ребята сделали куда более мудро и тонко — подстроили Еремкину такую ситуацию, в которой ему захотелось быть добрым. Они сумели его чуть-чуть перевоспитать: «Еремкин улыбался во весь рот: ему нравилось казаться очень хорошим человеком. И я даже про себя подумал, что он посмотрит-посмотрит, как

это приятно, и, может быть, станет таким на самом деле. Вдруг, а?..».

ПОЖИЛОЙ человек с удивительно добрыми глазами с яростью, с брезгливостью говорил о том, что нынче некоторые как жизненным принципом пользуются пошлой поговоркой: «Ни одно доброе дело не остается безнаказанным».

«Это неправда, нельзя так жить, добро всегда возвращается добром», — говорил он так, что не поверить ему было невозможно.

Это был Анатолий Алексин. Это было в Останкино, на вечере, посвященном его творчеству, который мы недавно смотрели по Центральному телевидению. Он начал встречу с самого для себя главного — с защиты добра. С того, о чем столько лет, весело и серьезно, беседуют с нами, детьми и взрослыми, его увлекательные мудрые книжки.

«Необыкновенные приключения Севы Котлова, или Тайный Сигнал Барабанщика» — так называлась одна из первых повестей Алексина. Севка вел дневник, где рассказывал и о горестях своих, и о шалостях, и о поступках не очень то красивых, а потом находил записки, в которых его ругал, хвалил, подсказывал, как быть, загадочный «ТСБ». Расшифровывая эти буквы, Севка с другом однажды додумались: «А вдруг это — Тайный Сигнал Барабанщика?» Потом оказалось, что это просто — «Твой старший брат». И в последней записке старший брат Дима пишет: «...вы там случайно выкрикнули! Тайный Сигнал Барабанщика!». Можно, пожалуй, и так... Ведь каждый раз, когда ты сбивался с дороги, я начинал бить в барабан...».

Отважным барабанщиком, подающим сигнал тревоги, встающим на защиту добра, приходит к нам каждой своей книжкой Анатолий Алексин, писатель детский, писатель взрослый.

Е. ШАКШИНА.